U 226/2478

И 226
2478

О ВОЕННОЙ ИСТОРІИ.

НАБРОСКИ

А. СКУГАРЕВСКАГО.

Опредѣленіе и значеніе Военной Исторіи.—Дѣленіе ея на періоды и методы изслѣдованія.—Основные источники и военная библіографія.—Историческая критика и критическая Военная Исторія.—Значеніе историка.—Философія исторій.—Заключеніе.

(Изданіе редакціи журнала «Военный Сборникъ»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1874.

И 226/2478

О ВОЕННОЙ ИСТОРІИ.

НАБРОСКИ

А. СКУГАРЕВСКАГО.

Опредѣленіе и значеніе Военной Исторіи.—Дѣленіе ея на періоды и методы изслѣдованія.—Основные источники и военная библіографія.—Историческая критика и критическая Военная Исторія.—Значеніе историка.—Философія исторіи.—Заключеніе.

(Изданіе редакціи журнала «Военный Сборникъ»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.

1874.

Дозволено цензурою. 16-го декабря 1874 года.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
43080-44

2007096102

Опредѣлить характеръ и значеніе такой науки, какъ Военная Исторія, дѣло слишкомъ смѣлое для очерка; но я далеко не ставлю себѣ такой широкой задачи, изслѣдовать предметъ со всѣхъ сторонъ. Чтеніе различныхъ авторовъ, поучительныя лекціи, товарищескіе споры не рѣдко наводили меня на размышленія о значеніи Исторіи; я записывалъ по временамъ отрывочныя мысли, дѣлалъ бѣглыя замѣтки, которыя предполагалъ впослѣдствіи обработать въ серьезный очеркъ, мечталъ даже сдѣлать его введеніемъ къ болѣе обширному труду. По случайнымъ обстоятельствамъ, мнѣ приходится свести свои наброски раньше, чѣмъ я предполагалъ, и потому они представляются здѣсь отрывочными мыслями, почти въ томъ видѣ, какъ сохранились въ тетрадяхъ, безъ системы и даже, можетъ быть, безъ надлежащей связи. Я думаю, что и въ такомъ видѣ эти отрывки могутъ вызвать кое-какіе вопросы, могутъ сами по себѣ намѣтить нѣкоторыя стороны науки, заинтересовать кого нибудь и тѣмъ принести хоть ничтожную пользу.

Не могу точно указать источниковъ, по которымъ составленъ очеркъ. Кромѣ познаній, вынесенныхъ изъ академическихъ и университетскихъ лекцій, мнѣ приходилось имѣть подъ руками много сочиненій, которыя я считаю полезнымъ перечислить, такъ какъ интересующійся читатель можетъ найти въ нихъ богатый матеріалъ для подобной темы.

Объ исторіи. Статья, приложенная къ XIII тому «Полнаго Собранія сочиненій Маколея».

Зибель. «О законахъ историческаго знанія».

Чичеринъ. «Исторія политическихъ ученій».

Стасюлевичъ. «Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи».

Гервинусъ. Введеніе къ «Исторіи XIX вѣка».

Герье. «Очеркъ развитія исторической науки».

Лееръ. Введеніе къ «Положительной Стратегіи».
Станкевичъ. Введеніе къ «Критическому разбору кампаніи 1809 г.».
Бокль. «Исторія цивилизаціи въ Англіи».
Гизо. «Исторія цивилизаціи во Франціи».
Humboldt. «Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers».
Стасюлевичъ. Введеніе къ «Исторіи среднихъ вѣковъ».
Князь Голицынъ. Введеніе ко «Всеобщей Военной Исторіи».
Ranke. «Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber».
Carrion-Nisas. «Histoire générale de l'art militaire».
Roquancourt. «Cours d'art et d'histoire militaires».
Jomini. «Précis des événemens militaires».

И проч. и проч.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда указаніе источника можетъ имѣть значеніе, я дѣлаю ссылки.

I.

Опредѣленіе и значеніе военной исторіи.

Значеніе исторіи лежитъ въ самой жизни: настоящее познается изъ прошедшаго, человѣкъ живетъ опытомъ и исторія съ самыхъ элементарныхъ формъ является его насущною потребностью. Еще въ древности (Цицеронъ) исторію называли наставницею жизни, свѣтильникомъ истины.

Прилагая изученіе прошедшаго къ области наукъ, исторія имѣетъ глубокое значеніе и самое широкое примѣненіе: раскрывая постепенное развитіе явленія, она опредѣляетъ его истинное современное положеніе. Какъ природа физическаго организма познается изъ физіологическаго его развитія, такъ характеръ событія изображается его исторіею. Въ общемъ, исторія есть опытъ, посредствомъ котораго человѣчество приходитъ къ самопознанію.

Какъ наука самостоятельная, исторія имѣетъ свои законы, свои обширныя задачи и различные методы изслѣдованія; приведенные въ стройную систему, основанные на логическихъ выводахъ, они составляютъ *историческую науку* или *исторіографію,* которая только очень недавно получила настоящее научное развитіе; военная же отрасль ея, можно сказать, и въ данную минуту находится еще въ младенческомъ состояніи. Попытаться опредѣлить характеръ и современное положеніе военно-исторической науки, объемъ ея изслѣдованій, задачи ея дальнѣйшаго развитія составляетъ цѣль настоящаго очерка.

Исторія можетъ обнять жизнь человѣческаго общества во всей ея полнотѣ или только въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ. Въ строгомъ смыслѣ, изобразить прошедшее міра со всѣхъ сторонъ невозможно, «всеобщей» исторіи, строго говоря, нѣтъ, потому что во всякомъ

историческомъ описаніи есть своя мысль, историкъ проводитъ въ своемъ трудѣ извѣстную идею и употребляемыя выраженія «всемірная» и «всеобщая» опредѣляютъ лишь относительный объемъ поставленной задачи. Но есть историческія сочиненія, ставящія себѣ главною задачею прослѣдить развитіе той или другой стороны жизни, таковы спеціальныя исторіи, къ числу которыхъ принадлежитъ и Военная.

Разсматривать Военную Исторію, какъ совершенно отдѣльную самостоятельную науку невозможно: война есть одно изъ естественныхъ проявленій человѣческой дѣятельности (*), она тѣсно связана съ жизнію, и военно-историческая наука развивалась, какъ часть общей исторіографіи; поэтому, поставивъ задачею изслѣдовать объемъ и характеръ Военной Исторіи, мнѣ часто придется говорить объ исторіи вообще, такъ какъ иногда трудно провести грань между ними.

Опредѣленіе исторической науки, сдѣланное въ началѣ главы, можетъ быть цѣликомъ примѣнено къ Военной Исторіи. Лучшій путь, чтобы получить правильное понятіе о какомъ нибудь военномъ вопросѣ—изслѣдовать его исторически; прослѣдивъ всѣ фазисы постепеннаго развитія его при различныхъ обстоятельствахъ, значеніе его на войнѣ при различномъ состояніи военнаго искуства, Военная Исторія ясно покажетъ: подъ вліяніемъ какихъ причинъ вопросъ сложился въ настоящемъ его видѣ, и-если обстоятельства перемѣнились, если нѣкоторые факторы теперь уже не дѣйствуютъ, то какія стороны вопроса подлежатъ измѣненію, въ чемъ должно сказаться его будущее развитіе.

Кромѣ одинаковаго значенія исторіи военной съ общею исторіею,

---

(*) Въ разсматриваемомъ случаѣ мнѣ все равно: неизбѣжное ли зло война или могущественный цивилизаторъ, бичъ ли она человѣчества или его благодѣтель; для меня важно то, что война всегда была, есть и въ ближайшемъ будущемъ будетъ. Всѣ проекты общеевропейской федераціи и вѣчнаго мира (Генрихъ IV, С. Пьеръ, Кантъ, Сарторій, Прудонъ, Ортоланъ и др.) не выходятъ изъ области мечтаній и плюзій. Всякое право, на которомъ зиждятся соотношенія людей, требуетъ охраненія его силою. Въ небольшихъ общинахъ, въ общежитіи, охраною права могутъ служить нравственныя силы: религіи, убѣжденій, общественнаго мнѣнія и т. п., но при разнородномъ составѣ государства и международнаго союза, защиту права составляетъ пока только физическая сила. Люди, считающіе войну зломъ, смотрятъ на дѣло съ узкой точки зрѣнія; точно такъ же какъ считать войну благодѣтелемъ значитъ принимать въ соображеніе только хорошія ея послѣдствія. Какъ всякое людское дѣло, война имѣетъ и выгоды и недостатки; мнѣ некогда разбирать ихъ, я хотѣлъ только подтвердить высказанное мною убѣжденіе, что при современномъ строѣ человѣческаго общества, его воззрѣній и понятій, война представляется совершенно естественнымъ явленіемъ.

спеціальныя цѣли науки налагаютъ свои особыя требованія, даютъ Военной Исторіи особый оттѣнокъ. Война есть дѣло практическое, главною наукою для нея служитъ практика; настоящая военная практика бываетъ рѣдко и достается не всѣмъ, на войнѣ учиться воевать некогда, слѣдуетъ готовиться заранѣе, въ мирное время. Въ этомъ случаѣ та наука, которая сохраняетъ для насъ боевой опытъ, получаетъ особенное значеніе. Война есть источникъ и цѣль всѣхъ военныхъ значеній, и Военная Исторія доставляетъ матеріалъ для всѣхъ военныхъ наукъ.

При не установившихся взглядахъ и мнѣніяхъ на многіе вопросы военнаго искусства и его науки, особенно въ высшихъ частяхъ ея, къ Военной Исторіи часто прибѣгаютъ, какъ къ безапеляціонному суду. Съ этой точки зрѣнія, Военная Исторія, преподавая трезвые уроки прошедшаго, способна устранить дилетантизмъ и верхоглядство, столь вредные въ военномъ дѣлѣ.

Какъ хранилище боеваго опыта, Военная Исторія сама по себѣ представляется практическою военною наукою. Однимъ изученіемъ ея, при извѣстныхъ военныхъ познаніяхъ, можно значительно подготовиться къ дѣлу, особенно если военно-историческое сочиненіе само приспособлено къ этому; короче, при раціональномъ изученіи—Военная Исторія до нѣкоторой степени замѣняетъ опытъ.

Я могъ бы далѣе перечислить еще другія особенности разсматриваемой науки, другіе оттѣнки значенія ея въ ряду военныхъ знаній, могъ бы подтвердить все это мнѣніями и афоризмами многихъ военныхъ авторитетовъ и практиковъ и теоретиковъ; но это слишкомъ бы растянуло мой очеркъ: цитаты можно найти на первыхъ страницахъ любаго историческаго учебника, любой статьи и сочиненія по Военной Исторіи; онѣ на столько всѣмъ извѣстны, что я смѣло могу обойти ихъ здѣсь. Мнѣ важно было намѣтить характеристическія особенности Военной Исторіи въ связи ея съ общею исторіею, и значеніе ея, какъ военной науки, чтобы на этихъ данныхъ строить дальнѣйшіе выводы.

Опредѣленіе задачъ науки возможно только послѣ уясненія главныхъ элементовъ ея. Я не могу взять на себя разборъ всѣхъ данныхъ, на которыхъ держатся научныя основы военной исторіографіи: слишкомъ трудно изслѣдовать со всѣхъ сторонъ вопросъ, еще новый въ литературѣ; но мнѣ необходимо, прежде чѣмъ перейти къ выводамъ, сказать хотя вкратцѣ о тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ Военная Исторія для своихъ изслѣдованій и о положеніи ихъ

въ настоящее время. Подъ этимъ я подразумѣваю: источники исторіи и методы обработки ихъ, дѣленіе ея на періоды и роль историка.

Начну съ раздѣленія Военной Исторіи.

II.

Дѣленіе военной исторіи и методы изслѣдованія.

Многіе изъ военныхъ историковъ начинаютъ свои историческія описанія съ единоборства двухъ человѣкъ, съ первыхъ орудій: палки и праща. Такое желаніе прослѣдить военное дѣло, какъ бы отъ его рожденія, не можетъ составлять предмета научнаго изслѣдованія. Пропуская преданія и басни, исторія разсматриваетъ ту эпоху, которая оставила намъ достовѣрные памятники. Научные выводы исторіи могутъ быть основаны только на несомнѣнныхъ данныхъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія застала человѣческое общество на извѣстной степени цивилизаціи, война велась правильно, было военное искусство и даже въ нѣкоторыхъ государствахъ успѣла образоваться особая военная каста.

Первыя историческія свѣдѣнія восходятъ до 4,000 лѣтъ до нашего времени, но собственно достовѣрная исторія обнимаетъ не болѣе 25-ти вѣковъ. Конечно, и такая громадная эпоха не можетъ быть одинаково изучаема. Главнымъ мѣриломъ для оцѣнки значенія различныхъ періодовъ исторіи служитъ важность ихъ для нашего времени, вліяніе ихъ на современное состояніе военнаго искусства. Въ этомъ отношеніи Военная Исторія дѣлится на древнюю, среднюю и новую.

Дѣленіе это не случайное: оно тѣсно связано съ дѣленіемъ общей исторіи и имѣетъ свои глубокія основанія. Дѣленіе общей исторіи основано, какъ на политическомъ развитіи обществъ, такъ и на состояніи въ различное время духовной стороны человѣчества, всей суммы его идей, вѣрованій, знаній и міровоззрѣній.

Къ древнему періоду относятъ всю прошлую жизнь до историческа-

го начала новыхъ европейскихъ народовъ. Въ политическомъ отношеніи, древній періодъ обнимаетъ существованіе многихъ государствъ, стоявшихъ на различной степени цивилизаціи, но уже совершенно отжившихъ и въ настоящее время не существующихъ. Въ нравственномъ отношеніи, древній міръ представляетъ различныя проявленія язычества со всѣми его послѣдствіями: преобладаніе природы надъ духомъ, видимаго надъ невидимымъ. Въ наукѣ преобладаніе спекулятивныхъ знаній, философіи и отсутствіе естественныхъ, жизненныхъ наукъ. Военное искусство у древнихъ было развито довольно высоко, но для нашего времени совершенно своеобразно, въ зависимости отъ военныхъ средствъ, общественнаго строя, состоянія научныхъ и практическихъ знаній и проч.

Средняя исторія обнимаетъ начало военнаго, политическаго и гражданскаго развитія современныхъ народовъ, ту темную эпоху исторіи, которая въ теченіе тысячи лѣтъ тяготѣла въ Европѣ надъ всякимъ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ впередъ, до тѣхъ поръ, пока накопившаяся вѣками не удовлетворенная потребность не прорвалась реформаціею XV вѣка. Революція эта, какъ ее правильнѣе слѣдуетъ называть, открыла собою новую исторію, она поставила на очередь тѣ жизненные вопросы, многіе изъ которыхъ и по настоящее время еще не разрѣшены. Въ тѣсной связи съ этимъ коренымъ переворотомъ духовной жизни общества, произведены великія открытія въ области практическихъ знаній, между которыми введеніе огнестрѣльнаго оружія сдѣлало полный переворотъ въ военномъ искусствѣ и было началомъ новой эры въ развитіи его, на одной ступени котораго находится и наше время.

Такимъ образомъ, наибольшее значеніе для насъ имѣетъ послѣдняя эпоха, въ которую мы живемъ; средніе вѣка важны только тѣмъ, что изъ нихъ произошло новое время. Древній же міръ стоитъ совершенно отдѣльно; онъ имѣетъ лишь то значеніе, что представляетъ законченную политическую и военную жизнь, изъ которой удобно дѣлать выводы. Въ научномъ отношеніи онъ долго служилъ предметомъ изученія и даже подражанія, пока не выработалась самостоятельная новая наука.

Кромѣ этого главнаго и какъ бы естественнаго дѣленія Военной Исторіи, она раздробляется на мелкіе періоды и отдѣлы, о которыхъ я здѣсь не говорю, такъ какъ они опредѣляются въ каждомъ сочиненіи его спеціальными задачами.

Въ исторіографіи различные пріемы изслѣдованія прошедшихъ событій можно раздѣлить на четыре метода:

1) прагматическій,
2) критическій,
3) генетическій, и
4) философскій.

Прагматическая исторія передаетъ намъ голый фактъ, воспроизводитъ передъ нами событіе въ томъ видѣ, какъ оно передается очевидцами, сохранившимися памятниками и другими источниками. Она не сортируетъ ихъ, не разъясняетъ, не критикуетъ, а только соединяетъ послѣдовательный рядъ явленій въ одну общую картину. Это есть самый простой и элементарный историческій пріемъ.

Критическая исторія не довольствуется простымъ изложеніемъ фактовъ; она разбираетъ, анализируетъ источникъ, подвергаетъ его критикѣ. Всякое событіе производитъ извѣстное впечатлѣніе на очевидцевъ, дурное или хорошее, отъ этого возмущается способность людей спокойно судить о дѣлѣ; каждый разсказчикъ, даже самый безпристрастный, влагаетъ въ передаваемый фактъ свой личный элементъ, въ большей или меньшей степени, въ истинномъ или ложномъ направленіи; онъ всегда даетъ разсказу извѣстный колоритъ, иногда незамѣтно для самого себя, въ зависимости отъ своихъ дарованій, убѣжденій, часто просто отъ настроенія минуты. Наконецъ, многія событія перешли къ намъ черезъ вторыя и третьи руки, другія—вѣковыми преданіями. Разобрать все это, разсортировать, выяснить, отдѣлить ложь отъ правды, вымыселъ отъ истины и составляетъ задачу исторической критики.

Продолженіемъ такого рода работы должно служить раціональное соединеніе фактовъ, выясненіе причинъ и слѣдствій событій; происхожденіе каждаго факта изъ предшествующаго и связь его съ послѣдующимъ; это составляетъ задачу *генезиса* исторіи.

Полная историческая работа еще не кончена: воспроизвести фактъ, возстановить истину критическимъ путемъ, показать связь событій еще недостаточно, надо опредѣлить значеніе ихъ въ данную эпоху, въ извѣстномъ случаѣ; вліяніе ихъ на ходъ послѣдующихъ дѣйствій вообще; смыслъ каждаго событія въ историческомъ разсказѣ. Это задача *философіи* исторіи. Историческіе факты имѣли далеко не одинаковое значеніе для послѣдующаго развитія общества: одни ограничивались тѣснымъ кругомъ вліянія въ своемъ отечествѣ, въ теченіе одного десятилѣтія; значеніе другихъ отразилось въ міровой исторіи на всѣхъ послѣдующихъ вѣкахъ. Пелопонезская война, напримѣръ,

рѣшала: кому будетъ принадлежать гегемонія въ Греціи, Спартѣ или Аѳинамъ, аристократамъ или демократамъ; а въ персидскихъ войнахъ рѣшался вопросъ: устоитъ ли греческая европейская цивилизація или восточное азіятское варварство задушитъ ее и остановитъ умственное развитіе человѣчества на нѣсколько вѣковъ. Въ великую религіозную борьбу въ Германіи, въ Тридцатилѣтнюю войну, вопросъ шелъ о томъ: начнется ли новая эра въ исторіи, удержатся ли великіе принципы новой цивилизаціи, или будутъ продолжать господствовать средне-вѣковые: схоластика и обскурантизмъ; а война Фронды во Франціи рѣшала только вопросъ, какая изъ придворныхъ партій получитъ перевѣсъ. Точно также и въ отдѣльныхъ войнахъ: одно дѣйствіе, одно сраженіе, оказываетъ вліяніе на весь ходъ кампаніи, а въ другомъ случаѣ и рядъ кровопролитныхъ битвъ не приноситъ почти никакихъ результатовъ. Философія исторіи оцѣниваетъ факты и дѣлаетъ выводы изъ нихъ, она показываетъ, какъ изъ ряда событій, иногда, повидимому, случайныхъ, появляется общая картина развитія извѣстнаго вопроса; какъ изъ частныхъ случаевъ выступаетъ внаружу движеніе извѣстной идеи.

Военная Исторія, естественно, пользуется всѣми этими методами изслѣдованія. Матеріалъ для ея изученія такъ обширенъ и такъ разнообразенъ, что безъ критики нельзя обойтись. Генетическій пріемъ нуженъ, чтобы опредѣлить истинную связь событій; многія военныя дѣйствія бываютъ вызваны постороннимъ причинами, иногда даже не военными соображеніями, а особыми обстоятельствами: нравственными, политическими, хозяйственными, случайными и проч. Наконецъ, философія Военной Исторіи подводитъ итоги, даетъ разсказу жизнь и силу, ясность и примѣненіе. Особыя чисто-практическія цѣли, которыя нерѣдко преслѣдуетъ Военная Исторія, выразились въ томъ, что критика и философія въ ней получили особое примѣненіе въ такъ называемыхъ критическихъ обзорахъ войнъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разъясненію характера примѣненія этихъ научныхъ пріемовъ, необходимо хотя бѣгло очертить богатство источниковъ, которыми обладаетъ военно-историческая наука; только тогда могутъ быть понятны объемъ и границы историческихъ изслѣдованій.

III.

Основные источники военной исторіи и военная библіографія.

Обиліе матеріаловъ для изученія исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнее разнообразіе ихъ, по полнотѣ и правдивости, требуютъ строгаго и систематическаго опредѣленія и разсортировки. Подъ основными источниками я подразумѣваю самыя ближайшія свѣдѣнія и свидѣтельства, сохранившіяся для насъ о минувшихъ событіяхъ. Сюда относятся: архивы, документы, акты, рисунки и надписи на монументахъ, гробницахъ, записки очевидцевъ, мемуары, дневники, письма и проч. По нѣкоторымъ отдѣламъ исторіи для насъ не сохранились такихъ первыхъ свидѣтельствъ прошедшей жизни, или они сохранились далеко не въ полномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ, основнымъ источникомъ для изученія эпохи приходится считать сочиненія историковъ, писавшихъ по первымъ, утраченнымъ для нашего времени, матеріаламъ.

Въ настоящей главѣ я сдѣлаю общую характеристику историческаго богатства, касательно основныхъ памятниковъ, сортируя ихъ по главнымъ періодамъ.

Для знакомства съ военною исторіею Греціи, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, единственнымъ источникомъ должна считаться «Иліада». Будучи сборникомъ пѣсенъ, писанныхъ различными лицами и даже въ разное время, она представляетъ только общую картину, хотя и вполнѣ художественную, войнъ того времени (1184 г. до Р. Х.), и не можетъ дать достаточнаго матеріала для полнаго изученія военнаго искусства. Тоже самое можно сказать и о библейскихъ разсказахъ. Собственно исторія начинается съ V вѣка до Р. Х.,

съ знаменитаго Геродота (*) и вполнѣ достойнаго преемника его, Ѳукидита (**). Затѣмъ, для насъ сохранились, частью вполнѣ, частью отрывками, историческія сочиненія многихъ греческихъ и римскихъ писателей, между которыми я упомяну, въ хронологическомъ порядкѣ, о слѣдующихъ: Ксенофонтъ, Полибій, Діодоръ, Плутархъ, Страбонъ, Діонисій, Салюстій, Цезарь, Гиртій, Корнелій Непотъ, Титъ Ливій, Іосифъ Флавій, Веллей Патеркулъ, Светоній, Тацитъ, Арріанъ, Амміанъ и т. д. (***). Сочиненія ихъ составляютъ большею частью един-

---

(*) *Геродотъ* Галикарнасскій (484—406) оставилъ исторію нашествія персовъ на Грецію и сдѣлалъ очеркъ всѣхъ предшествовавшихъ событій древняго міра. Разсказъ его отличается воодушевленіемъ, увлекательностью и чистотою слога. Лучшіе переводы принадлежатъ на французскомъ языкѣ Ларшеру, на нѣмецкомъ Беру.

(**) *Ѳукидитъ* (471—395) продолжалъ исторію Геродота и описалъ Пелопонезскую войну; онъ отличается всѣми качествами истиннаго историка; ясность и выразительность изображаемыхъ событій, вѣрность и серьезность разсказа, ставятъ его на первое мѣсто между историками древней Греціи. Пелопонезская война переведена на русскій языкъ съ французскаго и помѣщена въ «Военной Библіотекѣ» изданія И. Глазунова 1837 г.

(***) *Ксенофонтъ* (445—354) продолжалъ исторію Ѳукидита и, кромѣ того, написалъ нѣсколько другихъ сочиненій. По своимъ достоинствамъ историка онъ долженъ быть поставленъ ниже Геродота и Ѳукидита, но для насъ имѣетъ большее значеніе, какъ преимущественно военный писатель. Его «Киропедія» и «Отступленіе десяти тысячъ» переведены на русскій языкъ въ упомянутой выше «Военной Библіотекѣ».

Полибій (202—121 до Р. Х.) написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій и, между прочимъ, всеобщую исторію въ 40 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошли 5, обнимающихъ періодъ пуническихъ войнъ и покореніе римлянами Македоніи. Исторія Полибія не имѣетъ себѣ подобной по точности и вѣрности; она была переведена на русскій языкъ Волчковымъ въ 1756—1760 годахъ.

Діодоръ Сицилійскій (I вѣка до Р. Х.) написалъ «Историческую Библіотеку», обозрѣніе исторіи древняго міра съ древнѣйшихъ временъ до 60 г., въ 40 книгахъ, изъ которыхъ дошли до насъ 15. Какъ историкъ, онъ отличается только тѣмъ достоинствомъ, что привелъ довольно точную хронологію событій по олимпіадамъ, чего у большинства древнихъ писателей нѣтъ. Изъ многихъ переводовъ на французскій языкъ лучшій—графа Міо.

Плутархъ (II и I столѣтій до Р. Х.) написалъ сравнительныя, довольно однообразныя жизнеописанія знаменитѣйшихъ грековъ и римлянъ; переведены на русскій языкъ въ 1820 г. Дестуннисомъ и въ 1862 г. подъ редакціею Герье.

Страбонъ (I вѣка); изъ его сочиненій сохранилась «Географія» въ 17 книгахъ: французскій переводъ Laporte du Theil etc.

Діонисій Галикарнасскій (I вѣка) написалъ римскую археологію; встрѣчаются довольно подробно описанныя сраженія. Нѣмецкій переводъ Бонцлера; французскій Белланжера.

Салюстій (86—35) написалъ римскую исторію за время отъ смерти Силлы до заговора Катилины. Достоинствами своими этотъ историкъ напоминаетъ Ѳукидита: та же выразительность картинъ, краткость и сжатость слога. На

ственные матеріалы для изученія описываемой ими эпохи; ихъ рѣдко можно сличить и такимъ образомъ провѣрить, чаще же приходится вѣрить на слово, хотя иногда несообразности разсказа очевидны. Достоинства ихъ крайне разнобразны: нельзя, напримѣръ, и сравнивать компилятора Діодора Сицилійскаго или риторика Тита Ливія съ образцовымъ Цезаремъ, или съ такимъ замѣчательнымъ художникомъ, какъ

русскомъ языкѣ есть три перевода Салюстія: 1769 г. Краморенкова, 1809 г. Озерецковскаго и 1857 г. Клеванова.

Кай Юлій Цезарь (100—44 до Р. Х.) оставилъ образцовыя записки (коментаріи) о своихъ походахъ; хотя онѣ описываютъ болѣе одну сторону,—дѣйствія римлянъ, но въ смыслѣ военно-историческаго сочиненія должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ между трудами древнихъ писателей. Коментаріи Цезаря переведены на русскій языкъ Клевановымъ въ 1857 г., часть ихъ была переведена Волчковымъ еще въ 1774 году.

Гиртій, полководецъ Цезаря; ему приписываютъ коментаріи на войны: Галльскую, Александрійскую, Африканскую и Египетскую. Выдержки изъ нихъ помѣщены въ «Bibliothéque historique et militaire», par Liskenne et Sauvan.

Корнелій Непотъ (I вѣка до Р. Х.). Изъ его сочиненій дошли до насъ 24 жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ, изложенныя хорошо, но кратко. Онѣ были переведены на русскій языкъ: въ 1785 году Лебедевымъ, въ 1816 г. Кошанскимъ и въ 1867 г. Клевановымъ.

Титъ Ливій (59 до Р. Х.—19 по Р. Х.) написалъ «Римскую Исторію» въ 142 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошло только 35. Военныя событія описаны подробно, но писатель этотъ не отличался достоинствами историка: пренебреженіе истиною, увлеченіе красотою слога, пристрастіе и даже лесть не чужды его перу. Русскій переводъ Клеванова.

Іосифъ Флавій (37—95 по Р. Х.), еврей, оставилъ исторію Іудейской войны за его время, переведенную на русскій языкъ въ 1804 г. Алексѣевымъ.

Веллей Патеркулъ (I вѣка по Р. Х.). Изъ его историческихъ сочиненій сохранились интересные отрывки, показывающіе талантъ автора въ мѣткомъ изображеніи людей. Его «Сокращеніе греческой и римской исторіи» было переведено на русскій языкъ Моисѣенковымъ въ 1774 г.

Светоній (70—121 по Р. Х.) составилъ подробныя жизнеописанія 12 римскихъ первыхъ императоровъ.

Кай Корнелій Тацитъ (54—134 по Р. Х.); его «Лѣтопись» и «Исторія» показываютъ замѣчательныя дарованія историка, особенно съ художественной точки, по изображенію портретовъ и характеровъ. Въ военномъ отношеніи сочиненія хорошо характеризуютъ эпоху. Есть русскій переводъ Кроненберга.

Арріанъ (II вѣка послѣ Р. Х.) римскій полководецъ и писатель. Относительно эпохи Александра Великаго, съ потерею сочиненій ближайшихъ историковъ (Птоломея, Аристовула и др.), трудъ Арріана составляетъ и лучшій и добросовѣстнѣйшій источникъ. Переводъ на русскій языкъ помѣщенъ въ упомянутой выше «Военной Библіотекѣ».

Амміанъ Марцеллинъ (IV вѣка по Р. Х.) въ своей исторіи какъ бы продолжалъ лѣтопись Тацита. Изъ 31 его книги до насъ дошло 18; въ нихъ не выдержана строго послѣдовательность разсказа, но много интересныхъ военно-историческихъ свѣдѣній. Лучшее изданіе принадлежитъ къ 1786 г. (Цвейбрикенск. общ. филологовъ); лучшій французскій переводъ Флётло (Fleutelot).

Тацитъ. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ авторовъ писали, какъ очевидцы, даже какъ участники описываемыхъ дѣйствій, другіе пользовались преданіями и записками очевидцевъ, не дошедшихъ до насъ.

Съ паденіемъ Западно-Римской имперіи историческіе писатели постепенно исчезаютъ, и затѣмъ историческая наука начинаетъ свое развитіе сначала. Относительно среднихъ вѣковъ первымъ источникомъ для насъ могутъ считаться жизнеописанія святыхъ (*); они содержатъ иногда драгоцѣнныя указанія для исторіи, какъ средневѣковой, такъ и римской послѣдняго періода, но матеріалъ этотъ требуетъ отъ историка большой переработки: экзальтированное воображеніе авторовъ, сказочныя народныя преданія иногда слишкомъ явно идутъ въ разрѣзъ съ истиной. Дальнѣйшіе военно-историческіе матеріалы за средніе вѣка составляютъ «анналы» (лѣтописи) и «хроники». Первоначально они велись только въ монастыряхъ духовными лицами, которыя сосредоточивали въ себѣ всю интелигенцію того времени. Интересныя свѣдѣнія въ нихъ перемѣшаны въ сору частныхъ указаній, домашнихъ происшествій и пустыхъ мелочей. Хроникеры иногда записывали факты давно прошедшіе, выдавая ихъ за настоящіе, дѣло одного лица приписывали другому, противорѣчивыя извѣстія вписывались рядомъ, совершенно безъ разбора. Образцомъ исторіи ставились книги Ветхаго Завѣта. Нѣкоторые изъ такихъ писателей первой половины среднихъ вѣковъ оставили сочиненія, которыя служатъ нерѣдко единственными указаніями объ этомъ темномъ времени: Григорій Турскій, Прокопій, Бэда преподобный, Павелъ діаконъ, Эгингардъ, Виттикиндъ и друг. (**).

(*) У насъ извѣстныя «Четіи Минеи», а въ католической церкви изданіе болландистовъ «Acta Sanctorum»; оно начато въ 1643 г. бельгійскимъ монахомъ Болландомъ и до настоящаго время вышло 56 томовъ, въ которые вошли жизнеописанія святыхъ по октябрь включительно. Въ сборникѣ этомъ вошли самые древнѣйшіе документы, какіе только были найдены о католическихъ святыхъ.

(**) *Григорій Турскій* (540—594) между другими сочиненіями написалъ: «Церковную исторію франковъ»; это есть и свѣтская исторія, потому что въ средніе вѣка церковь, по понятіямъ ученыхъ духовныхъ, вмѣщала въ себѣ все.

Прокопій († 565) описалъ войны Восточной имперіи съ персами и готами.

Бэда преподобный (673—731) написалъ хронику отъ сотворенія міра до 726 г.

Павелъ діаконъ (740—790); его «Римская исторія» была всеобщимъ учебникомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; а «Исторія лонгобардовъ» содержитъ важныя историческія свѣдѣнія, хотя и изукрашена риторическими восхваленіями германскихъ народовъ и вождей.

Эингардъ († 844) между прочими сочиненіями написалъ «Жизнь Карла Великаго», выдѣляющуюся своими достоинствами между историческими сочиненіями среднихъ вѣковъ.

Со времени крестовыхъ походовъ, съ развитія городовъ, приблизительно съ XII вѣка, начинаютъ появляться, на ряду съ монастырскими, городскія хроники, веденныя большею частью свѣтскими людьми. Сначала онѣ писались по распоряженію властей, магистратовъ, въ видѣ сухихъ перечней различныхъ событій, но впослѣдствіи обратились въ «исторіи городовъ», составляющихъ богатый военно-историческій матеріалъ, такъ какъ въ то же время городскія войска въ исторіи военнаго искусства открыли новую эпоху возрастающаго значенія пѣхоты.

Къ этому времени, къ XII столѣтію, слѣдуетъ отнести попытки, послѣ долгаго перерыва, составить общую исторію. Такова была всемірная хроника, въ стихахъ и въ прозѣ, Готфрида Витербскаго. Затѣмъ, слѣдуютъ въ такомъ же родѣ нѣсколько твореній XIII, XIV и XV вѣковъ, съ витіеватыми заглавіями: «Историческое зерцало», «Цвѣтникъ исторіи», «Цвѣтникъ временъ», «Поприще міра», «Море исторіи», «Древо битвъ» и т. п.

Сборники эти написаны на средневѣковой латыни и разукрашены баснями и сказками, съ цѣлью заинтересовать читателя. Они имѣютъ единственное значеніе въ томъ, что въ нихъ попадаются современныя свѣдѣнія, которыя писатели не могли особенно исказить. Военная исторія въ теченіе среднихъ вѣковъ еще не отдѣлилась въ отдѣльную отрасль, войны были главною и любимою темою всѣхъ писателей. Изъ лучшихъ хроникеровъ за вторую половину среднихъ вѣковъ можно упомянуть: Богедина, Фрейзингена, Жефруа-де-Виллъ-гардуина, Жуанвиля, Виллани, Фроассара и друг. (*).

Эпоха возрожденія XV вѣка была дѣйствительно эпохою въ развитіи исторической науки и литературы; лица разныхъ сословій и состояній, духовные и свѣтскіе, богатые и бѣдные, принялись за изу-

Анналы *Виттикинда* († 963), изображающіе подвиги саксонцевъ, отличаются несомнѣнными историческими достоинствами.

(*) *Богединъ* (1145—1235) написалъ по арабски жизнь Саладина. Она была издана на латинскомъ языкѣ Лейдомъ и на нѣмецкомъ въ «Мемуарахъ Шиллера».

Отто Фрейзингенъ написалъ біографію императора Фридриха I.

Жеффруа де-Виллъ-гардуинъ (род. 1167), не умѣя самъ писать, диктовалъ своему капеллану исторію завоеванія Константинополя въ 1198—1207 годахъ. По мнѣнію Роканкура, онъ былъ въ этой войнѣ начальникомъ штаба западныхъ войскъ.

Жуанвиль (1223—1317), извѣстный авторъ «Исторіи Людовика Святаго», хотя трудъ его дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ.

Виллани—цѣлое семейство историковъ, оставившихъ хроники за первую половину XIV вѣка.

Фроассаръ (1333—1400) извѣстенъ исторіею Франціи за время 1326 — 1400, написанною подробно и живо.

ченіе древнихъ писателей и за подражаніе имъ. Съ этого періода появляются попытки болѣе серьезныхъ историческихъ сочиненій, озаглавленныхъ большею частью: «Исторія моего времени», а во Франціи—подъ названіемъ «Мемуаровъ». Авторы посвящали обыкновенно свои труды описанію происшествій и войнъ своего отечества; но такъ какъ направленій и спеціальностей въ исторической наукѣ еще не было выработано, то такія исторіи касались всего тогдашняго западно-европейскаго міра. Въ Италіи за образецъ былъ принятъ преимущественно Титъ-Ливій, въ подражаніе которому италіанскіе писатели искажали факты, сочиняли рѣчи для красоты разсказа; въ Германіи господствовала сухая форма, принявшая себѣ за образецъ сильный и выразительный языкъ Цезаря и Салюстія. Между замѣчательными историками XV и XVI вѣковъ можно перечислить: Гвичіардини, Макіавелли, Іовій, Маріанна, Бокеръ, де-Ту, Коминь, Филипсонъ, Брантонъ, де-Туайль, Добиньи и т. д. (*).

Писатели эти имѣютъ для насъ большое значеніе: какъ я уже раньше сказалъ, войны въ то время были самымъ выдающимся явленіемъ жизни и служили любимою темою для историковъ, которые, къ тому же, были очевидцами и даже участниками ихъ. Надо только съ разборомъ и умѣньемъ пользоваться всѣми этими авторами: красота раз-

---

(*) *Гвичіардини* (1482—1540) написалъ исторію за время отъ 1490 до 1534 г. Постоянныя войны того времени дѣлаютъ ее собственно военною исторіею, а неминуемыя вслѣдствіе того соприкосновенія италіанскихъ государствъ съ сосѣдями, обращаютъ исторію Гвичіардини, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ исторію Германіи, Франціи и Испаніи за это время. Сочиненіе написано художественно, но истины не рѣдко искажены.

Изъ сочиненій *Макіавелли* (1469 — 1527) здѣсь слѣдуетъ упомянуть: объ «Исторіи Флоренціи», которая по достоинствамъ соотвѣтствуетъ Гвичіардини, и о «Военномъ искусствѣ», которое содержитъ въ себѣ и военно-историческія свѣдѣнія.

Павелъ Іовій написалъ исторію Италіи за свое время (1494—1547), которую слѣдуетъ считать правдивѣе сочиненія Гвичіардини. Интересны описанія войнъ, въ которыхъ впервые проявилось значеніе артилеріи въ бою (походы Карла VIII).

Маріана (1534—1624), іезуитъ, написалъ исторію Испаніи.

Бокеръ, называемый у латинскихъ авторовъ *Бенкаліусъ*, написалъ исторію Франціи въ 1461—1580 г.

Яковъ-Августъ де-Ту, по латинѣ Туанусъ (1553 — 1617), оставилъ «Исторію своего времени» съ 1546—1607.

Филиппъ де-Комминь (1445—1509) описалъ походы Карла VIII и Людовика XII.

Филипсонъ (1506—1566), называемый чаще *Слейданусъ* (изъ г. Слейды), написалъ исторію реформаціи и государствъ съ 1517—1566 г.

Затѣмъ идутъ французскіе мемуары, которыхъ много осталось отъ религіозныхъ войнъ. *Брантонъ* писалъ о царствованіи короля Карла IX, *Пьеръ-де-Туайль*—Генриха III, *Добиньи*—Генриха IV и т. д.

сказа, религіозныя убѣжденія и пристрастіе вліяютъ нерѣдко въ ущербъ истинѣ.

Съ эпохи возрожденія, или, говоря точнѣе, со времени изобрѣтенія книгопечатанія, для насъ сохранились сочиненія, посвященныя спеціально описанію войнъ; по формѣ изложенія они ничѣмъ не отличаются отъ трудовъ перечисленныхъ писателей. Такъ что, хотя въ исторіографіи и можно отдѣлить особую отрасль ея, Военную Исторію, по научнаго значенія это не имѣетъ никакого: принципы науки еще не были выработаны, объ исторической критикѣ не было и помину.

Продолжительныя войны XVII столѣтія доставили богатый матеріалъ для военной исторіографіи, хотя гнетъ іезуитовъ, подавлявшій всякое умственное движеніе, препятствовалъ развитію исторической науки. Характеръ литературы продолжается тотъ же: многіе полководцы оставляютъ послѣ себя записки, между которыми замѣчательнѣйшія Тюреня и Монтекукули. Хроники городовъ встрѣчаются еще въ этомъ столѣтіи, гдѣ онѣ и кончаются; о различныхъ войнахъ и даже отдѣльныхъ эпизодахъ издавались сочиненія, брошюры, памфлеты и проч. Ихъ очень много, въ особенности о Тридцатилѣтней войнѣ; значительная часть ихъ указана въ различныхъ сборникахъ и каталогахъ, которые я перечисляю ниже. Всѣ они носятъ повѣствовательный характеръ, а иногда и пристрастный, смотря по политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ авторовъ.

Съ XVIII столѣтія начинаетъ получать особенное значеніе самая важная для нашего времени група источниковъ изученія Военной Исторіи,—*архивные матеріалы*, официальныя и официозныя дѣла, бумаги, акты, секретные документы и проч. Они начинаются собственно съ XV столѣтія, отрывочные и случайные документы попадаются съ XI вѣка, но только въ XVIII столѣтіи принялись за разработку ихъ. Въ настоящее время это составляетъ главный военно-историческій матеріалъ; особенно онъ получаетъ значеніе съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда выработалась историческая критика, когда принялись за систематическій подборъ и изданіе архивныхъ матеріаловъ на средства правительствъ. Раньше были попытки подобныхъ изданій частными лицами, но по трудности и дороговизнѣ онѣ не доводились до конца. Такъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія библіотекарь Мюллеръ началъ было издавать на собственныя средства важнѣйшіе документы франкфуртскаго архива, касавшіеся имперскихъ сеймовъ подъ заглавіемъ «Reichstagstеatrum», но не окончилъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ Германіи, при мюнхенской академіи образована историческая комисія съ спеціальною цѣлью разра-

ботки и изданія документовъ. Предпринято гигантское изданіе «Reichs-Deutsche-Acta», въ которомъ начали печатать всѣ важнѣйшіе имперскіе документы различныхъ германскихъ архивовъ съ 1375 года; когда изданіе окончится, оно будетъ состоять изъ нѣсколькихъ сотъ томовъ.

Въ настоящее время всѣ европейскія государства имѣютъ подобные сборники отечественныхъ историческихъ документовъ, конечно, важнѣйшихъ; печатать всего невозможно: въ одномъ мюнхенскомъ государственномъ архивѣ, напримѣръ, находится 800 томовъ, относящихся только до Тридцатилѣтней войны (*).

Въ Германіи, по иниціативѣ извѣстнаго патріота Штейна, въ началѣ нынѣшняго столѣтія началъ выходить сборникъ Пертца: «Monumenta Germaniae historica», собраніе историческихъ документовъ, съ замѣчательною критическою обработкою ихъ, съ 500 года по Р. Х. до 1500 г. Въ сборникѣ этомъ документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ; помощникъ Пертца, Яффе, издалъ подобный же сборникъ по нѣкоторымъ отдѣламъ, съ систематическимъ расположеніемъ матеріаловъ.

Въ Австріи изданы документы австрійскаго габсбургскаго дома.

Во Франціи попытки собиранія манускриптовъ дѣлались еще въ XVI столѣтіи (лучшій изъ нихъ сборникъ Питу), но систематическое изданіе всѣхъ историческихъ документовъ началось съ XVIII вѣка; основаніе ему положилъ ученый бенедиктинецъ Буке, предпринявшій въ 1738 году печатаніе сборника подъ заглавіемъ Scriptores rerum Gallicarum et Francicarum»; въ настоящее время изданіе доведено только до документовъ XIV столѣтія. На ряду съ этимъ замѣчательно изданіе конгрегаціи св. Марка; полную систему печатаніе документовъ во Франціи получило въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря Гизо.

Въ Англіи, по образцу Пертца, предпринято было изданіе Петри «Monumenta historica Britaniae», но съ 1822 года оно ограничилось первымъ томомъ, и въ 1857 г. было приступлено къ официальному изданію документовъ, которое продолжается и нынѣ, подъ заглавіемъ «Rerum Britanicarum medii aeri scriptores».

Въ Россіи въ этомъ отношеніи слѣдуетъ назвать «Полное собраніе законовъ» и «Сборникъ дипломатическихъ сношеній», изданіе II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Вышло 10 томовъ.

Особенныя архивныя богатства были найдены въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи. Венеціанская республика играла въ средней, а от-

(*) Кн. Голицынъ (Всеобщ. воен. исторія нов. врем. I, 13), со словъ Содена.

части и въ новой исторіи значительную роль и имѣла сношенія со всѣмъ свѣтомъ. Опасаясь постоянно за свою торговлю и даже за свое существованіе, она бдительно слѣдила за политикою всѣхъ европейскихъ дворовъ и за ихъ военными силами. Она имѣла сильную армію, вела постоянныя войны, вездѣ держала посланниковъ и агентовъ, которые регулярно присылали чрезвычайно подробныя донесенія и получали обстоятельныя инструкціи. Первый обратилъ вниманіе на эти сохранившіяся историческія богатства знаменитый историкъ Ранке, по иниціативѣ котораго и было предпринято печатаніе выборокъ изъ этихъ документовъ; изданіе ихъ далеко еще не кончено.

Всѣ перечисленныя изданія архивныхъ матеріаловъ важны для Военной Исторіи, такъ какъ содержатъ не рѣдко и военные документы, но особенное значеніе получаютъ спеціальные военные архивы, которые во всѣхъ государствахъ приведены въ систематическій порядокъ: бумаги раздѣлены по войнамъ, по періодамъ, по категоріямъ, вездѣ имѣются инвентари и подробные каталоги, служащіе указаніями для справокъ (*). Печатаніе документовъ военныхъ архивовъ находится въ самомъ зародышѣ.

Кромѣ государственныхъ архивовъ, въ наше время предпринята разработка документовъ частныхъ лицъ. Во всѣхъ государствахъ съ этою цѣлью существуютъ спеціальныя общества, издаются сборники, журналы и проч. Они значительно дополняютъ официальныя свѣдѣнія, которыя, не смотря на свою достовѣрность, большею частью—безпристрастіе и правдивость, имѣютъ тотъ существенный недостатокъ, что передаютъ намъ, такъ сказать, наружную, официальную сторону событія; но есть другая сторона—внутренняя, невидимая изъ документовъ и актовъ, показывающая настроеніе арміи относительно того или другаго факта, духъ войскъ, скрытыя причины неудачъ, частныя отношенія начальниковъ, интриги и проч. Въ этомъ отношеніи, въ настоящее время, неисчерпаемымъ матеріаломъ служитъ журнальная, памфлетная, брошюрная литература.

Въ томъ видѣ, какъ теперь, газеты существуютъ только съ XVIII столѣтія, но начало ихъ должно считать значительно раньше. Онѣ существовали еще у римлянъ въ видѣ придворныхъ извѣстій, но въ среднихъ вѣкахъ свѣдѣній о нихъ не встрѣчается. Съ XV столѣтія, когда уже началось броженіе умовъ, особенно съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, появились періодическія изданія самаго разнообразнаго

(*) Въ этомъ отношеніи у насъ слѣдуетъ упомянуть: военно-ученый архивъ главнаго штаба, архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и др.

характера: въ базарные дни продавались отдѣльные листки (въ Германіи они назывались Fligende Blätter), въ родѣ теперешнихъ у насъ лубочныхъ картинокъ, въ которыхъ описывались и изображались самые животрепещущіе вопросы дня: сраженіе, казнь, смерть важной особы, свадьба и проч. Особенно они распространились съ XVI столѣтія, во время усиленной борьбы католичества съ протестантизмомъ. Въ большихъ старинныхъ библіотекахъ, особенно германскихъ, можно найти массу такихъ листковъ; они очень интересны, какъ современный матеріалъ, показывающій часто настроеніе минуты. Въ Венеціи еще въ XV столѣтіи существовали ежедневные торговые листки, въ которыхъ объявлялись курсовыя цѣны, привозъ и даже короткія политическія извѣстія. Брошюры и летучіе листки, распространяясь все болѣе и болѣе, въ XVII вѣкѣ стали выходить регулярно разъ въ мѣсяцъ, потомъ еженедѣльно, а въ концѣ этого столѣтія во Франціи, при Людовикѣ XIV, газеты начали издаваться ежедневно въ томъ видѣ, какъ теперь (*). Въ настоящее время въ періодическую печать входитъ, можно сказать, все; это богатый неисчерпаемый матеріалъ для историка, но требующій умѣнья обращаться съ нимъ.

Количество матеріаловъ для изученія Военной Исторіи и состоянія военнаго искусства такъ велико, и въ тоже время—такъ не обработано, что основательное изслѣдованіе одного какого либо отдѣла, одной какой нибудь кампаніи можетъ составить задачу десятка лѣтъ. Пользованіе этими неисчерпаемыми богатствами было бы крайне затруднительно, еслибы оно не облегчалось, во-первыхъ, существующими указателями и библіографическими руководствами, а во-вторыхъ, обработанными уже сочиненіями ученыхъпо всѣмъ частямъ теоріи.

Въ первомъ отношеніи, относительно изученія среднихъ вѣковъ можетъ служить систематически составленный и обработанный указатель Августа Потгаста (Potthast. «Bibliotheca historica medii aeri»). По нѣмецкимъ источникамъ имѣется еще сборникъ Ваттенбаха (Wattenbach. «Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrh». Berlin. 1858). Имъ составленъ указатель къ упомянутому выше сборнику Пертца. Для исторіографіи новыхъ вѣковъ не имѣется такихъ полныхъ указателей и только по частнымъ отдѣламъ можетъ служить соч. Вахлера (Wachler. «Handbuch der Geschichte der Literatur»).

(*) C* (Camusat). Histoire critique des journaux. Amsterdam 1874.
Prutz. Geschichte des deutschen Journalismus. Hannover 1845.

Кромѣ основныхъ матеріаловъ въ военной литературѣ, и въ современной особенно, существуетъ громадное количество различныхъ военно-историческихъ сочиненій, трактатовъ, біографій, очерковъ, обзоровъ и проч. Одни изъ нихъ описываютъ цѣлые періоды исторіи, другіе—отдѣльныя войны, отдѣльныя сраженія, дѣла, стычки, эпизоды. Одни составлены по первымъ основнымъ источникамъ, обработаны съ талантомъ, другіе написаны по обработаннымъ уже сочиненіямъ, третьи безъ всякаго разбора и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ изложены сухо, и авторы ихъ держатся строго объективной точки зрѣнія; другіе, напротивъ, написаны тенденціозно, спеціально съ цѣлью провести извѣстную идею, прославить свою часть войскъ, оправдать какое нибудь дѣйствующее лицо и проч., и проч. Все это придаетъ военно-исторической литературѣ такое безконечное разнообразіе, что ориентироваться въ подобномъ хаосѣ можно только при пособіи различныхъ библіографическихъ указателей, перечней, каталоговъ и т. п. Перечислять хотя только важнѣйшія сочиненія по различнымъ отдѣламъ и эпохамъ Военной Исторіи заняло бы слишкомъ много мѣста въ моемъ очеркѣ, къ тому же подобное голословное дѣленіе сочиненій на главнѣйшія и менѣе важныя всегда будетъ въ значительной степени произвольно. Я тѣмъ болѣе могу это обойти, что во многихъ библіографическихъ пособіяхъ имѣются подобныя указанія, составленныя очень удобно для различныхъ справокъ. На этомъ основаніи я ограничиваюсь только бѣглымъ перечнемъ военно-библіографическихъ сочиненій, въ которыхъ читатели найдутъ указанія на всевозможныя изданія по Военной Исторіи.

Библіографія, какъ самостоятельная отрасль знанія, появилась давно; мнѣ случилось встрѣтить сочиненія по этому предмету еще XVII столѣтія. Такъ въ 1627 г., извѣстный библіографъ Naudé составилъ «Advis pour dresser une bibliothèque»; въ 1643 году монахъ Dudinek издалъ «Bibliothecariographia», т. е. перечисленіе всѣхъ сочиненій, озаглавленныхъ Bibliothèques, Catalogues, Tables d'auteurs, etc; а десять лѣтъ спустя іезуитъ père Labbe опубликовалъ «Bibliotheca bibliothecarum», которая къ концу XVII вѣка уже выдержала нѣсколько изданій. Къ этому же столѣтію относится и первое спеціально военно-библіографическое сочиненіе, принадлежащее упомянутому выше Naudé; въ 1637 г. вышла книга подъ заглавіемъ «Gabrielis Naudaei Syntagma studio militari»; къ ней былъ приложенъ указатель всѣхъ извѣстныхъ въ то время военныхъ авторовъ. Кромѣ того, есть другая небольшая книжка, озаглавленная: Gabr. Naudaei Bibliographia Militaris, относящаяся къ

1683 г. Она представляетъ каталогъ, указывающій до 300 военныхъ сочиненій.

Въ XVIII столѣтіи вышло нѣсколько библіографическихъ военныхъ сочиненій; извѣстныя мнѣ я привожу въ хронологическомъ порядкѣ.

Wagner. Entwurf einer Soldaten-Bibliothek. Leipzig, 1724. Перечень писателей греческихъ, римскихъ и германскихъ.

Loen (писавшій подъ псевдонимомъ Le Soldat). Essai de bibliothèque militaire. Dresde. 1743. Состоитъ изъ двухъ частей: въ первой указаны историческія военныя сочиненія, во второй —трактаты по всѣмъ остальнымъ военнымъ наукамъ; указатель составленъ довольно систематически.

Nicolai. Nachrichten von alten und neuen Kriegsbüchern. Stuttgard, 1765.

Versuch einer vollständigen Militair-Bibliothek. Dresden. 1783. Изданіе книгопродавца C. Walther'a, почему во многихъ сочиненіяхъ этотъ «опытъ» называется Вальтеровымъ. Названія авторовъ и сочиненій расположены въ этомъ каталогѣ по наукамъ, а въ каждомъ отдѣлѣ по алфавиту.

Нынѣшнее столѣтіе богато военно-библіографическими пособіями и каталогами, хотя спеціальнаго полнаго очерка сочиненій по Военной Исторіи еще не появлялось, но въ большинствѣ указателей есть особые отдѣлы, посвященные этому предмету. Упомяну главнѣйшіе:

Catalogue raisonné des livres militaires de la bibliothèque du prince de Ligne. Dresde, 1805.

Krug. System der Kriegswissenschaften und ihrer Literatur. Leipzig, 1815.

Mittler. Verzeichniss einer vorzüglichen Auswahl der älteren und neueren Schriften der Militair-Literatur u. s. w. Berlin, 1818—1823.

Dümmler. Neue militairische Handbibliothek; ein Verzeichniss aller brauchbaren älteren und neueren Schriften u. s. w. Berlin, 1819.

Enslin. Bibliothek der Kriegswissenschaften. Berlin, 1824. Указатель военныхъ сочиненій французскихъ и нѣмецкихъ.

Rumpf. Allgemeine Literatur der Kriegswissenschaften und Kriegsgeschichte. Berlin, 1824. Довольно систематическій указатель военно-историческихъ сочиненій, расположенныхъ отдѣлами по наукамъ, въ каждомъ отдѣлѣ по форматамъ и въ каждомъ форматѣ въ хронологическомъ порядкѣ.

Hayer. Literatur der Kriegswissenschaften und Kriegs-

geschichte. Berlin, 1831—1840. (Handbibliothek für Officiere). Обстоятельный научный трактатъ о военной литературѣ съ подробнымъ указателемъ сочиненій.

Соцъ. Опытъ библіотеки для военныхъ людей. С.-Петербургъ, 1826 г. Сочиненіе это представляетъ бѣглый очеркъ развитія военнаго искусства съ характеристикою главнѣйшихъ писателей.

Станкевичъ. Систематическій перечень сочиненій, приложенный къ XIV тому Военной Библіотеки 1873 г. Военноисторическій отдѣлъ этого каталога значительно полнѣе другихъ отдѣловъ «Перечня». Сочиненія расположены по войнамъ, а для каждой войны по алфавиту авторовъ.

Въ большинствѣ военноисторическихъ трактатовъ сдѣланы очерки источниковъ, которые также могутъ служить библіографическимъ пособіемъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ нерѣдко дѣлается и характеристика сочиненій. Въ этомъ отношеніи особенно отличается полнотою и систематичностью выходящая въ настоящее время «Всеобщая военная исторія» князя Голицына.

За отдѣльные періоды исторіи и даже за отдѣльныя войны въ настоящее время существуютъ болѣе или менѣе полные указатели сочиненій:

«Sistematisches Verzeichniss aller in der staats- und kriegswissenschaftlichen Literatur von 1796—1800 herausgekommenen Schriften». Weimar, 1808.

Schütte. «Repertorium der Militair-Literatur in den zwei letzten Decenien». Stralsund, 1842.

Scholl. «Sistematische Uebersicht der Militair-Literatur etc.». Darmstadt, 1842. Перечень сочиненій, вышедшихъ съ 1830 по 1842 годъ.

Witzleben. «Deutschland's Militair-Literatur im letzten Jahrzehent (1840—1850)». Berlin, 1850.

Seelhorst. «Deutschland's Militair-Literatur im letzten Jahrzehent (1850—1860)». Berlin, 1862.

Baldamus. «Die literarischen Erscheinungen der letzten 20 Jahre 1845—1864, auf dem Gebiete der Kriegswissenschaften». Prag, 1865.

Тоже самое за время 1865—1871. Leipzig, 1872.

Troschke. «Die Militair-Literatur». Berlin, 1870. (Систематическій обзоръ всѣхъ военныхъ сочиненій, вышедшихъ съ 1820 по 1870 годъ, съ характеристикою каждаго хоть сколько нибудь достойнаго вниманія труда.

Mühlbrecht. «Die Literatur des deutschen und italienischen Krieges im Jahre 1866». Prag, 1867. Его же есть указатели за нѣкоторые года.

Baldamus. «Literatur des deutsch-französischen Krieges 1870—1871». Leipzig.

Затѣмъ слѣдуетъ указать каталоги книгопродавцевъ и антикваріевъ: въ Петербургѣ: Смирдина, Глазунова, Базунова и Исакова; въ Парижѣ—Dumaine; въ Берлинѣ—Mittler, Gselius; въ Лейпцигѣ—Luckhardt; въ Нордгаузенѣ—Büchting.

Въ военной литературѣ есть попытки обзоровъ и указателей собственно библіографическихъ сочиненій. Такова небольшая книжка Doisy: «Essai de bibliologie militaire». Paris, 1824. Въ этомъ же родѣ можетъ служить брошюра De la Barre Duparcq: «Des sources bibliographiques militaires». Paris, 1856.

Въ общей литературѣ имѣются болѣе подробные библіографическіе указатели, чѣмъ перечисленные мною военные. Въ свое время славился Brunet («Manuel du libraire et de l'amateur de livres»), Peignot, Ebert и друг. Изъ новѣйшихъ наиболѣе полныхъ библіографическихъ руководствъ я могу указать:

Gräsze. «Lehrbuch einer allgemeiner Literairgeschichte aller bekannten Völker der Welt». Dresden und Leipzig, 1837—1857. Къ послѣднему тому приложенъ перечень авторовъ (sämmtliche Register), въ которомъ заключается до 100,000 названій.

Denis et Pinçon de Martonne. «Nouveau manuel de bibliographie universelle». Paris, 1857.

Указателей подобнаго рода въ настоящее время существуетъ очень много, какъ общихъ, такъ и по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ. Въ нихъ бываютъ и военные отдѣлы; для военнаго историка они имѣютъ большое значеніе, такъ какъ въ такихъ общихъ библіографическихъ руководствахъ нерѣдко можно скорѣе найти указаніе на военно-историческое сочиненіе и свѣдѣніе объ авторахъ, писавшихъ по Военной Исторіи, особенно за прежнее время, чѣмъ собственно въ военныхъ каталогахъ.

IV.

Историческая критика и критическая военная исторія.

Историческая критика встрѣчалась во всѣ времена у многихъ писателей, можно даже сказать у Геродота; но это была критика субъективная: каждый писатель разбиралъ источникъ, какъ хотѣлъ; общихъ пріемовъ, выработанныхъ научныхъ основаній не было. Начало новой критики, объективной, проявилось впервые въ концѣ XV столѣтія, когда Лаврентій Валла (1406—1457 г.) разобралъ и доказалъ подложность документовъ объ извѣстномъ константиновскомъ дарѣ. Это былъ зародышъ современной исторической критики; протестантскіе писатели XVI вѣка подражали ей, но іезуиты убили эти зачатки или, по крайней мѣрѣ, не дали имъ распространяться въ XVII столѣтіи. Броженіе умовъ въ XVIII вѣкѣ, духъ скептицизма благопріятствовали развитію критики. Школа энциклопедистовъ: Вико, Бофоръ, Гиббонъ, Юмъ много сдѣлали для исторіи, хотя отличительною чертою этого времени было разрушеніе, а не созданіе. Бофоръ, напримѣръ, написалъ цѣлые томы о неправдоподобіи существовавшихъ исторій Рима (*), о выдумкахъ въ разсказахъ Тита Ливія, но самъ не создалъ ничего. Объективная критика выработалась въ систему нагляднѣе всего у Вольфа, въ его извѣстныхъ толкованіяхъ на «Иліаду» и «Одиссею». Строго методическіе научные пріемы этого патріарха исторической критики послужили образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ историковъ; на дѣлѣ они были примѣнены знаменитымъ Нибуромъ въ его «Römische Geschichte». Послѣдо-

(*) De l'incertitude des cinq premiers siècles de Rome, 1738.

ватели Нибура принялись большею частью за разборъ и изслѣдованіе древнихъ писателей, пока патріотическое движеніе въ Германіи послѣ войны 1813 года не перенесло выработанныхъ пріемовъ къ источникамъ новой исторіи. Родоначальникомъ современныхъ историковъ слѣдуетъ считать Ранке, который еще въ 1824 году издалъ небольшую книжку «Zur Kritik neuer Geschichtsschreiber», гдѣ далъ нѣсколько примѣровъ недобросовѣстности многихъ историковъ. Такъ, напримѣръ, Сисмонди выписывалъ цѣликомъ у Гвичіардини и Бенкаліуса. Гвичіардини, въ свою очередь, пользовался самыми сомнительными источниками: брошюрами, памфлетами, и не обращалъ вниманія на подлинные документы, которые онъ могъ имѣть подъ рукою. Во второй части своей книжки, Ранке, на вопросъ: «что дѣлать?» говоритъ, что сочиненія писателей, особенно очевидцевъ, имѣютъ значеніе, какъ пособіе, но къ нимъ надо найти критеріумъ, другой матеріалъ, подлинный, архивный, по которому, главнымъ образомъ, и возсоздавать прошлое.

Бокль, въ VI главѣ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», приводитъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, до чего доходили искаженія исторіи. По его мнѣнію, исторія среднихъ вѣковъ представляла только рядъ выдумокъ и ложныхъ слуховъ. (*).

Новое направленіе исторической науки повліяло и на Военную Исторію. Въ прошломъ столѣтіи оно выразилось также въ изслѣдованіи древнихъ военныхъ писателей; но громадный матеріалъ, представляемый войнами начала нынѣшняго столѣтія и общее движеніе исторической науки обратили вниманіе военныхъ къ изученію новой эпохи. Въ продолженіе сорокалѣтняго мира въ Европѣ, Военная Исторія сдѣлала успѣхи, но далеко не такіе, какіе можно требовать по современному состоянію исторической науки вообще. Появились исторіи войнъ, талантливо обработанныя по основательнымъ источникамъ, но ихъ очень немного (Gfrörer, Милютинъ, Höpfner, Sporschill, Charras и друг.). Истинныхъ военныхъ ученыхъ слишкомъ мало; каждый изъ военныхъ писателей большею частью принадлежитъ къ извѣстной арміи, что равносильно — къ извѣстной партіи; военные архивы трудно доступны для иностранцевъ; описаніе же дѣйствій только своей стороны не можетъ составить полной исторіи войны; въ этомъ заключается громадное различіе Военной Исторіи отъ политической, отъ исторіи культуры, цивилизаціи, сло-

(*) Ист. цив. въ Англіи, 1862 г. ст. 343.

вомъ, отъ общей исторіи. Вслѣдствіе этого, военному историку приходится принимать за основные источники различныя сочиненія, составленныя по документамъ, записки очевидцевъ, мемуары, брошюры и т. п. Отыскивать истину въ этомъ хаосѣ пристрастныхъ и противорѣчивыхъ свѣдѣній чрезвычайно трудно, особенно при описаніи частныхъ эпизодовъ, подробностей дѣйствій, что требуется, какъ увидимъ впослѣдствіи, современными задачами военно-исторической науки. Послѣднее слово военной исторіографіи нашего времени представляютъ историческія сочиненія генеральнаго штаба. Они появились сравнительно недавно, и характеръ ихъ еще не установился въ наукѣ. Они составлены по подлиннымъ документальнымъ источникамъ и, слѣдовательно, при добросовѣстной обработкѣ, довольно близко передаютъ истину. Но уже одно то, что они составляются одною стороною, и притомъ стороною заинтересованною, несомнѣнно отражается на системѣ и характерѣ изложенія: невольное выставленіе въ лучшемъ свѣтѣ дѣйствій своихъ войскъ, перечисленіе отличившихся своей стороны, переименованіе убитыхъ и т. п. Выгодные для самолюбія эпизоды освѣщаются рѣзче, выставляются рѣзче, хотя въ военно-историческомъ отношеніи они иногда не имѣютъ такого значенія; другіе затемняются, если они были неудачны. Отъ этого является неравномѣрность изложенія: въ одномъ случаѣ указаніе ненужныхъ частностей, въ другомъ — пропускъ важнаго для исторіи. Короче, составители такихъ обозрѣній до сихъ поръ еще руководствуются при описаніи не столько научными требованіями современной военно-исторической науки, сколько частными интересами своихъ войскъ. На этомъ основаніи, на историческія сочиненія генеральнаго штаба до настоящаго времени приходится смотрѣть, какъ на матеріалъ, чрезвычайно важный, но не вполнѣ удовлетворительный и требующій еще значительной обработки (*). Но уже одно то, что въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ спеціальныя учрежденія для Военной Исторіи, много говоритъ за будущее этой науки.

Бо́льшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ изданіе, подобное тому, какое предпринято было въ Америкѣ, относительно послѣдней междоусобной войны, въ обширномъ сборникѣ «The Rebellion record». Каждый томъ этого изданія состоитъ изъ трехъ частей: въ первой—представлена подробно фактическая часть по днямъ, вторая

(*) Неудовлетворительность сочиненія прусскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870 — 1871 года выразилась въ самой Германіи появленіемъ сочиненія «Antigeneralstabswerk».

часть содержитъ различные военные документы, переписку начальствующихъ лицъ и третья — смѣсь: всевозможныя брошюры, слухи, памфлеты, стихи, словомъ все, что показываетъ настроеніе общества. Подобные сборники, если бы они издавались надлежащимъ образомъ послѣ каждой войны, удовлетворили бы, въ смыслѣ матеріаловъ, требованіямъ современной исторіографіи.

Въ началѣ очерка я сказалъ, что изученіе Военной Исторіи до нѣкоторой степени замѣняетъ опытъ. Желаніе преслѣдовать подобную практическую цѣль выразилось въ военно-историческихъ описаніяхъ приложеніемъ разбора событій, разсужденій и поученій авторовъ. Критика Вольфа, Нибура и Ранке была примѣнена здѣсь не столько къ источникамъ, сколько къ фактамъ и къ дѣйствующимъ лицамъ, появились такъ называемые критическіе обзоры войнъ, критическая Военная Исторія. Авторъ, изложивъ какое-нибудь событіе, дѣлалъ разъясненія: хорошо или дурно поступилъ такой-то начальникъ, принявъ извѣстное рѣшеніе; что̀ выражало извѣстное дѣйствіе? и т. под. Такія разъясненія назвали критическимъ освѣщеніемъ фактовъ. Появились сочиненія, написанныя спеціально съ цѣлью произнесенія подобныхъ приговоровъ надъ дѣйствіями различныхъ лицъ.

Отчасти такой разборъ подходитъ къ задачамъ философіи исторіи, но только не въ такомъ видѣ: писатель по даннымъ поверхностнымъ (а такими въ строгомъ смыслѣ могутъ быть названы большинство данныхъ о бывшихъ войнахъ) прямо говоритъ, что такое-то дѣйствіе «ниже всякой критики», другое составляетъ «капитальную ошибку». Какъ бы историкъ при этомъ ни былъ безпристрастенъ, какъ бы онъ ни старался предварительно подробно изслѣдовать событіе—въ приговорѣ его всегда въ значительной степени будетъ высказываться личное мнѣніе, и читатель, если ему будутъ представлены достаточныя данныя для обсужденія дѣла, очень часто можетъ сдѣлать свой собственный выводъ, не согласный со взглядами писателя, а нерѣдко и прямо ему противоположный.

Дальнѣйшее развитіе подобнаго-метода выразилось въ томъ, что не къ историческому описанію прилагали объясненія, а самые факты нанизывали на предвзятую идею, которую во что бы то ни стало хотѣли провести.

Я не отвергаю пользы критическихъ обзоровъ войнъ; критика, дѣлаемая талантливымъ писателемъ, всегда наведетъ читателя

на много интересныхъ мыслей. Но въ большинствѣ случавъ писатели слишкомъ смѣло принимаютъ на себя роль судьи. Если критикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ опытный практикъ, то его мнѣнія имѣютъ значеніе, какъ совѣты бывалаго человѣка, онъ говоритъ—какъ бы самъ поступилъ въ данномъ случаѣ; но если критиковать, обсуждать дѣйствія на войнѣ берется теоретикъ, не испытавшій самъ на дѣлѣ подобныхъ дѣйствій, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть авторитетомъ. Для учениковъ, юнкеровъ, молодыхъ неопытныхъ офицеровъ, мнѣніе его, конечно, имѣетъ значеніе, но въ публикѣ критика его историческихъ дѣйствующихъ лицъ для большинства не нужна. Раскритиковать еще далеко не значитъ научить дѣйствовать, или что критикъ самъ съумѣлъ бы поступить такъ, какъ онъ говоритъ. Послѣ войны легко судить хорошо или дурно было сдѣлано, но кому это приноситъ пользу?

Въ критической Военной Исторіи, въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, авторъ является учителемъ, его книга учебникомъ. Но если поставить вопросъ на эту точку, то онъ крайне усложняется: учебные пріемы должны быть приноровлены къ ученикамъ, для однихъ важно указать одно, для другихъ—другое, и во всякомъ случаѣ примѣшивать учебныя цѣли къ исторіи можно только въ ущербъ послѣдней. Исторія должна быть наукою жизни, а не учебникомъ ея. Въ этомъ есть большая разница: учебникъ учитъ тому, что въ немъ сказано, а наука должна доставлять всеобъемлющій, неисчерпаемый матеріалъ для знанія. Критическіе обзоры имѣютъ спеціальное, частное значеніе учебника; это не исторія: въ нихъ личный элементъ историка преобладаетъ слишкомъ сильно надъ истиною и нерѣдко служитъ въ ущербъ ей.

Послѣднія слова мои могутъ вызвать вопросъ: какую же роль вообще историкъ долженъ играть въ описаніи своемъ и на сколько личность его можетъ вліять на передачу событія? Теперь кстати остановиться на этомъ предметѣ.

V.

Значеніе историка.

Первая задача историка состоитъ въ вѣрномъ изображеніи прошедшаго. Выполнить это не легко: совершившееся только отчасти доступно нашему чувственному воспріятію, много приходится воспроизводить соображеніями и догадками. Это относится какъ къ недавнимъ событіямъ, такъ и къ отдаленнымъ. Повидимому, ближайшіе къ намъ факты можно передать точнѣе, но въ этомъ случаѣ разсказчикъ иногда бываетъ заинтересованъ, какъ дѣйствующее лицо; личныя симпатіи и убѣжденія, иногда даже незамѣтно, даютъ особый колоритъ разсказу. Въ современномъ намъ событіи трудно оріентироваться: историческая правда, какъ облака, принимаетъ различные образы только тогда, когда она удалена отъ зрителя; правильно судить о событіи можно только тогда, по фигурному выраженію Бестужева (Марлинскаго), когда оно удалено отъ насъ на «историческій выстрѣлъ». Съ другой стороны, чѣмъ дальше отъ насъ событіе, тѣмъ менѣе источниковъ для изученія его, тѣмъ больше требуется личныхъ соображеній и догадокъ историка.

Естественно, что эта первая задача историка довольно трудна; она затрудняется еще болѣе массою самаго разнообразнаго матеріала, который я очертилъ въ III главѣ. Изъ хаоса противорѣчивыхъ свѣдѣній и показаній надо доискаться до истины. Историкъ долженъ обладать глубокими познаніями, способностью къ кропотливой аналитической работѣ и въ то же время—вѣрнымъ критическимъ умомъ.

Факты собраны; изъ пыли архивовъ, изъ мусора старыхъ историческихъ басенъ искусный историкъ сдѣлалъ вѣрныя выборки, согласныя съ характеромъ своей задачи. Гизо называетъ это истори-

ческою анатоміею. Отрывочные факты соединяются между собою, отыскивается происхожденіе каждаго событія, производится генетическая работа, историческая физіологія, по выраженію Гизо. Но трудъ еще не конченъ, простая передача факта, такъ сказать, компиляція источниковъ, какъ бы она искусно не была сдѣлана, не составляетъ исторіи, это только остовъ событій, мертвое тѣло, которое надо оживить; возсоздать ту живую силу, внутреннюю идею, которая давала явленію жизнь, воспроизвести всю ту умственную работу, которая происходила въ головахъ начальниковъ, нравственное настроеніе, двигавшее солдатъ; словомъ,—возсоздать полную художественную картину. Чтобы выполнить такую задачу, историкъ долженъ обладать творческою силою, художественнымъ талантомъ; она можетъ быть названа историческимъ искусствомъ. Какъ всякое искусство, это дѣло есть удѣлъ таланта, генія; оно складывается по особенностямъ дарованія. Одни историки держатся строго сухаго объективнаго изложенія, другіе, напротивъ, считаютъ полезнымъ нѣсколько украсить разсказъ для его выразительности.

Маколей, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «произведенія класическихъ историковъ почти могутъ быть названы романами, основанными на фактахъ. Разсказъ въ нихъ во всѣхъ главныхъ основаніяхъ, безъ сомнѣнія, строго вѣренъ; но безчисленныя мелочи, усиливающія интересъ, слова, тѣлодвиженія, взгляды, очевидно созданы воображеніемъ автора. Методъ позднѣйшихъ временъ иной. Писатель сообщаетъ разсказъ болѣе точный. Сомнительно, однако, точнѣе ли отъ этого становятся свѣдѣнія читателя. Лучшіе портреты едвали не тѣ, въ которыхъ есть легкая примѣсь карикатуры, и мы не увѣрены, что лучшія исторіи не тѣ, въ которыхъ съ толкомъ употреблена доля прикрасъ вымышленнаго повѣствованія. Кое-что теряется въ точности, за то многое выигрывается въ эфектѣ. Мелкіе штрихи забываются, но великія характеристическія черты запечатлѣваются въ умѣ навсегда» (*). Слова эти сознаешь, когда читаешь ихъ автора. Маколей можетъ считаться идеальнымъ представителемъ требованій приведенной цитаты: его яркіе образы и художественныя картины дѣйствительно врѣзываются навсегда въ память, но никто не рѣшится сказать, что они не вѣрны.

Слова Маколея могутъ быть отнесены и къ военному историку, художественная отдѣлка ему можетъ быть нужна даже болѣе, чѣмъ другому писателю, потому что о многомъ на войнѣ нельзя писать, а приходится рисовать. Можно ли точно описать сраженіе? Точно, не

(*) Полн. собр. соч. Маколея, 1865 г. т. I стр. 108.

въ смыслѣ передвиженія колоннъ, какъ шашекъ по плану, а съ точки зрѣнія нравственной стороны, той великой силы, которая является главнымъ двигателемъ дѣла. Нужно сознаться, что картины боя въ романахъ гр. Толстаго ясно понимаются и остаются навсегда въ памяти, чего нельзя сказать о большинствѣ военно-историческихъ сочиненій. Я только въ одномъ не соглашусь съ приведенной цитатой, что можно допускать прикрасы, хотя бы *и съ толкомъ* употребляемыя. По цѣлямъ и задачамъ военно-историческихъ сочиненій, это невозможно. Мнѣ кажется, что и безъ прикрасъ настоящій художникъ, искусно сгруппировавъ, во-время оттѣнивъ тотъ или другой штрихъ, умѣючи освѣтивъ фактъ, можетъ дать вѣрную и выразительную картину.

Такимъ образомъ, личное участіе историка при передачѣ событія громадно; онъ, такъ сказать, является однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, отъ него зависитъ интересъ и польза разсказа. Историкъ всегда долженъ стараться передать событіе возможно вѣрнѣе и безпристрастнѣе, но разсказъ всегда получаетъ извѣстный субъективный колоритъ. Одно и тоже событіе, передаваемое различными историками, можно сравнить съ лучомъ свѣта, пропускаемымъ черезъ разноцвѣтныя стекла: картины сохраняютъ очертаніе первообраза, но каждая изъ нихъ является въ другомъ цвѣтѣ.

Значеніе историка на этомъ еще не кончается; событіе передано и воспроизведено художественно, спрашивается: для чего это было сдѣлано? Мы учимся для извѣстныхъ цѣлей; каждое научное сочиненіе имѣетъ извѣстную задачу. Всякая исторія должна быть живою наукою, Военная Исторія—военною наукою. Историкъ долженъ провести черезъ свой трудъ тотъ жизненный нервъ, который бы двинулъ дѣло. Не выставляя своихъ личныхъ мнѣній, въ большинствѣ случаевъ ненужныхъ для насъ, историкъ долженъ раскрыть значеніе и вліяніе факта; разсказъ его долженъ обогатить наше знаніе и опытъ, служить урокомъ въ жизни. Словомъ,—историкъ долженъ быть философомъ.

VI.

Философія исторіи.

Я говорилъ уже, что подъ философіею исторіи можно понимать опредѣленіе значенія факта и его вліянія на послѣдующія событія. Въ этомъ смыслѣ философія исторіи есть такая же обыденная наука, какъ и сама исторія; послѣдняя почти немыслима безъ первой: если мы пользуемся уроками прошлаго, то предварительно оцѣниваемъ событіе, хотя дѣлаемъ это иногда инстинктивно; мы обыкновенно подводимъ итоги разнообразнымъ случайнымъ обстоятельствамъ и дѣлаемъ изъ нихъ выводъ; такъ называемая *«житейская опытность»* есть именно результатъ нашей собственной оцѣнки прошедшаго.

Истинное значеніе философіи исторіи лежитъ глубже въ наукѣ и можетъ быть опредѣлено точнѣе. Философія, какъ наука самостоятельная, различными учеными опредѣляется различно, хотя всѣ эти опредѣленія исходятъ отъ одного основанія и потому могутъ быть сведены въ одну общую формулу. Такимъ образомъ, можно сказать, что философія есть наука о послѣднихъ основахъ всякаго бытія (опредѣленіе Аристотеля и Платона), всякой дѣятельности (стоики, скептики, эпикурейцы) и всякаго познанія (Бэконъ, Локкъ, Кантъ, Гердеръ). Примѣняя эту формулу къ міровой исторіи, философія разсматриваетъ все прошедшее, какъ жизненный процесъ, имѣющій свое происхожденіе и свои возрасты. Опредѣлить законы жизни цѣлаго человѣческаго общества вообще или въ частностяхъ, послѣдніе основы его развитія, дѣятельности и понятій, составляетъ задачу философіи исторіи. Уэвелль въ своей «Исторіи индуктивныхъ наукъ» (*) гово-

(*) Т. I, стр. XII.

ритъ: «философія науки должна заключать въ себѣ результатъ и послѣднее слово всей истины, которые были извлечены изъ заблужденій и запутанности въ продолженіе прошедшихъ споровъ».

Относительно общей исторіи существуетъ нѣсколько философскихъ взглядовъ, которые сводятся къ двумъ главнымъ системамъ: одна разсматриваетъ прошедшее, какъ нѣчто законченное и изъ него выводитъ идеалъ будущаго; другая смотритъ на прошедшее, только какъ на ступень въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества и потому идеалъ этого развитія ставитъ въ далекомъ будущемъ. Первую называютъ теоріею вѣчнаго историческаго круговращенія; къ ней можно причислить древнихъ философовъ: Платона и Аристотеля; въ новое время ея послѣдователями были: Макіавель, Вико, который обработалъ ее и привелъ въ стройное цѣлое, затѣмъ Монтескье, Гизо, Тьерри, и др. Второе ученіе носитъ названіе теоріи вѣчнаго историческаго прогреса; оно лежитъ въ основѣ христіанскаго ученія и до нѣкоторой степени развивалось въ средневѣковомъ богословіи; современное направленіе ей дали позднѣйшіе философы: Бэконъ, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ, Гердеръ, Гегель и проч.

Военная Исторія не имѣетъ еще мыслителей, которые бы прослѣдили все развитіе военнаго искусства, подмѣтили бы общія черты,— не смѣю говорить законы этого движенія,—опредѣлили бы характеръ дальнѣйшаго направленія. Пока, въ военно-исторической наукѣ, въ отдѣльныхъ періодахъ ея, философія исторіи имѣетъ цѣлью прослѣдить въ хаосѣ фактовъ извѣстную идею, постепенный ея ростъ, колебанія и конечные результаты, чтобы понять характеръ и направленіе послѣдующаго развитія.

Постигнуть будущее составляетъ конечную цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній. Изученіе прошедшаго, какъ изученіе чего бы то ни было, само по себѣ значенія не имѣетъ, если мы не стараемся воспользоваться результатами науки, примѣнить ихъ къ дальнѣйшей жизни. Тотъ, кто съумѣетъ дѣйствительно понять уроки исторіи и примѣнить ихъ на дѣлѣ, кто предъугадаетъ будущее развитіе извѣстнаго вопроса и подготовится къ рѣшенію его, кто пойметъ характеръ примѣненія военнаго искусства въ слѣдующей войнѣ, тотъ можетъ надѣяться на успѣхъ. Развитіе человѣчества идетъ впередъ, и выгодные результаты будутъ на сторонѣ того, кто съумѣетъ опередить его болѣе другихъ. Въ наукахъ точныхъ, индуктивныхъ, можно предсказывать: изслѣдуя извѣстныя явленія, съ помощью выработанныхъ законовъ, мы можемъ опредѣлить заранѣе, какой долженъ быть результатъ. Въ наукахъ гуманныхъ, философскихъ, дедуктивныхъ,

мы этого сдѣлать не можемъ, такъ какъ изслѣдованію ихъ подлежитъ неизмѣримый внутренній духъ человѣка.

Бокль видитъ въ этомъ доказательство слабой степени развитія исторіи. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, предсказаніе историка о томъ или другомъ политическомъ событіи будетъ принято людьми легковѣрными за нѣчто сверхъестественное, а здравомыслящими людьми, за простое умопомѣшательство или шарлатанство, точно такъ же какъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, было бы встрѣчено предсказаніе солнечнаго затмѣнія». Изъ этого Бокль выводитъ, что современное состояніе исторической науки соотвѣтствуетъ состоянію астрономіи тысячу лѣтъ тому назадъ, и что, слѣдовательно, исторія можетъ достигнуть той степени развитія, въ какой находятся теперь точныя науки. Зибель также говоритъ, что историческая наука способна сдѣлаться совершенно точнымъ знаніемъ.

Какъ бы ни было, въ настоящее время мы не имѣемъ возможности точно опредѣлить, какъ сложится то или другое событіе; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы историческая наука вообще не имѣла никакихъ выводовъ, чтобы она находилась въ полномъ младенчествѣ. Въ частномъ случаѣ каждый вопросъ складывается не рѣдко подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, но въ общемъ исторія человѣчества, развитіе какой либо стороны его идетъ неуклонно впередъ, какъ бы по извѣстнымъ законамъ. Это хорошо выражено у Гервинуса въ его «Введеніи къ Исторіи XIX вѣка». «Исторія, говоритъ онъ, разсматриваемая въ небольшихъ пространствахъ времени, отличается въ своемъ движеніи однообразнымъ характеромъ, который ей даютъ господствующія вліянія. Обнимаемая въ большихъ періодахъ, она представляетъ картину постоянныхъ колебаній между противоположными вліяніями, колебаній, которыя противодѣйствуютъ всякому перевѣсу одной какой либо идеи, одного какого либо руководящаго движенія или силы. Созерцаемая въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ, она снова, въ томъ же приливѣ и отливѣ, представляетъ постоянное стремленіе къ одному опредѣленному направленію, совершенно несомнѣнный прогресъ господствующей идеи.»

Мы заранѣе, напримѣръ, можемъ предвидѣть, чѣмъ кончится въ настоящее время въ Германіи борьба между государствомъ и церковью; мы не можемъ сказать: когда она кончится, въ какіе фазисы она будетъ вступать, потому что это зависитъ отъ личныхъ качествъ дѣйствующихъ лицъ, отъ обстоятельствъ случайныхъ; но, прослѣдивъ исторически ходъ развитія этой стороны общественной жизни, въ связи съ общимъ развитіемъ человѣческаго общества, мы

смѣло можемъ опредѣлить исходъ борьбы: рано или поздно, такъ или иначе, но государство одержитъ верхъ; поворотъ общаго движенія назадъ, возвратъ къ средневѣковому обскурантизму немыслимъ. Такъ мы можемъ рѣшать многіе современные политическіе вопросы.

Тоже самое можно сказать и въ области Военной Исторіи: въ исторіи военнаго искусства и въ каждой отдѣльной войнѣ. Если обстоятельно изслѣдовать послѣднюю кампанію 1870—1871 годовъ, то нельзя не замѣтить, что конечные результаты ея сложились подъ вліяніемъ причинъ, глубоко лежавшихъ въ основномъ устройствѣ армій, во всемъ общественномъ строѣ и, главнымъ образомъ, въ исторіи. Положимъ, личныя дарованія генераловъ, счастье, случайности, могли въ значительной степени измѣнять частные результаты борьбы, побѣда могла бы не разъ склоняться въ пользу французовъ; но въ концѣ концовъ должна была одержать верхъ та сторона, гдѣ во всемъ преобладала стройная система, гдѣ результаты науки были примѣнены, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ; гдѣ армія, которая предъугадала требованія новаго времени, подготовилась къ нимъ и опередила всѣхъ. Не случайно во главѣ германской арміи находился рядъ даровитыхъ генераловъ, а у французовъ попадались полныя бездарности. Я не буду продолжать, иначе мнѣ придется далеко отклониться отъ прямаго предмета очерка. Я хочу только сказать, что при основательномъ изслѣдованіи всего сказаннаго, при раціональномъ изученіи Военной Исторіи, можно было заранѣе опредѣлить исходъ войны, и если многіе его не предвидѣли, то это только доказываетъ слабую степень развитія науки.

Колебаніе взглядовъ и не установившіяся мнѣнія по философіи исторіи показываютъ, что пока не можетъ быть общаго трактата этой науки, по которому можно бы было примѣнять тѣ не многія основы ея, какія существуютъ въ настоящее время. Относительно же философіи Военной Исторіи не только нѣтъ какого нибудь сочиненія, но даже самое названіе это едва ли гдѣ можно встрѣтить. Здѣсь какъ нельзя болѣе примѣнима пословица: лучшая философія своя собственная.

VII.

Заключеніе.

Оканчивая свои наброски, я не буду возвращаться къ высказаннымъ уже мыслямъ, хотя и думаю, что многое у меня осталось недосказаннымъ. Трудно быть послѣдовательнымъ въ бѣгломъ очеркѣ о предметѣ, еще совершенно новомъ въ литературѣ. Я не брался изслѣдовать вопросъ со всѣхъ сторонъ, нельзя давать правилъ, какъ слѣдуетъ писать Военную Исторію; я желалъ лишь указать значеніе и характеръ науки. Наукою нельзя назвать простой разсказъ, компиляціи и выборки изъ разныхъ источниковъ. Къ такимъ работамъ какъ нельзя болѣе примѣнимо выраженіе Конта, который съ презрѣніемъ отзывается о «безсвязномъ наборѣ фактовъ, несвойственно называемомъ исторіею (*)». Наука должна имѣть свои выводы и задачи.

Позволю себѣ повторить не разъ сказанное выше: Военная Исторія въ общемъ должна представить намъ законы развитія военнаго искусства, чтобы мы могли правильно понять современное его положеніе и направленіе дальнѣйшаго движенія впередъ. Она должна показать намъ всѣ факторы такого прогреса, вліяніе умственной дѣятельности, значеніе дѣйствующихъ лицъ и всякія другія вліянія. Тоже самое мы въ правѣ требовать отъ науки въ частностяхъ, по каж-

---

(*) Бокль. Исторія цивил. въ Англіи, стр. 6.

дой войнѣ. Она должна намъ представить, какъ внѣшнюю сторону каждаго факта, такъ и внутреннее его содержаніе: подъ вліяніемъ какихъ причинъ событіе проявилось, что вліяло на его ростъ, какіе общіе выводы можно подмѣтить въ развитіи вопроса, къ какимъ окончательнымъ заключеніямъ можно придти о современномъ значеніи факта. Такова научная сторона Военной Исторіи; реальныя, практическія задачи ея заключаются въ томъ, чтобы научить дѣлу, какъ учитъ дѣйствительный опытъ. Къ выполненію такой задачи должны быть направлены всѣ стремленія военнаго историка.

Кромѣ основныхъ принциповъ науки, задачи исторіи съ теченіемъ времени видоизмѣняются въ частностяхъ, подъ вліяніемъ общаго прогреса въ областяхъ знанія и опыта. Современныя условія веденія войны и общее состояніе военныхъ наукъ всегда предъявляютъ исторіи свои требованія. Этотъ вопросъ представился бы рельефнѣе, если бы его возможно было прослѣдить исторически, разобрать какія требованія ставились для военно-исторической науки въ различныя времена. Къ сожалѣнію, такого историческаго очерка развитія Военной Исторіи пока нѣтъ и его трудно сдѣлать при бѣдномъ состояніи соотвѣтствующей литературы.

Войны Наполеона поразили современниковъ грандіозностью военныхъ операцій, новая наука, стратегія выработалась въ систему, и цѣлый рядъ историческихъ писателей, съ Бюловымъ и Жомини во главѣ, развивали въ своихъ сочиненіяхъ преимущественно стратегическія стороны войнъ. Вскорѣ была понята односторонность направленія, при которой были упущены не менѣе важные элементы: тактическій, административный, случайности и проч. Появились историческія сочиненія, удовлетворявшія и этимъ условіямъ. Въ такомъ случаѣ можно поставить вопросъ: какія въ настоящее время должны быть предъявлены требованія Военной Исторіи?

Въ наше время на первый планъ выступило военное образованіе, какъ въ общемъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ, какъ для высшихъ начальниковъ, такъ и для каждаго военнаго вообще. Развитіе военной техники идетъ впередъ чрезвычайно быстро, вмѣстѣ съ общимъ движеніемъ культуры и цивилизаціи. Отъ этого образъ веденія войны мѣняется довольно часто и нужно неуклонно слѣдить и основательно изучать свое дѣло, чтобы не отстать отъ другихъ. Многое изъ того, что прежде выработывалось опытомъ и рутиною, въ настоящее время приходится изучать въ кабинетѣ, теоретическимъ путемъ. Нѣтъ, повидимому, такой мелочи въ дѣйствіяхъ на войнѣ, ко-

торая не разработывалась бы современною литературою; подготовка и дѣйствіе самой мелкой части войскъ, можно сказать, каждаго отдѣльнаго стрѣлка имѣетъ цѣлыя серіи сочиненій, главная задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы возможно полнѣе и основательнѣе подготовить вопросъ для раціональнаго примѣненія его на практикѣ.

При рѣдкихъ и непродолжительныхъ войнахъ не всегда бываетъ возможно провѣрить правильное рѣшеніе вопроса на дѣйствительной боевой практикѣ, учиться на войнѣ уже некогда; вслѣдствіе этого приходится переносить въ книги и практическіе пріемы изученія дѣла. Естественно, что Военная Исторія, которая изображаетъ истинную боевую практику, должна получить въ настоящее время особенное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять новые пріемы и задачи для своихъ изслѣдованій.

Эти новыя требованія, предъявляемыя Военной Исторіи, выражаются, во-первыхъ, въ томъ, что кромѣ изслѣдованія войнъ со стороны стратегической, тактической, административной, санитарной, и проч., получаетъ значеніе воспроизведеніе тактическихъ подробностей до возможныхъ мелочей; во-вторыхъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ элементовъ историческаго изслѣдованія, критики, генезиса, философіи исторіи и проч., является новый практическій пріемъ изученія Военной Исторіи. Я не буду останавливаться на немъ, такъ какъ онъ уже затронутъ въ литературѣ, хотя и остался не вполнѣ выясненнымъ. Пока, примѣненіе его въ наукѣ можетъ составить одинъ изъ учебныхъ пріемовъ изученія ея, замѣняющій до нѣкоторой степени критическіе обзоры войнъ.

Настоящіе наброски показываютъ обширность задачъ Военной Исторіи и не установившіеся взгляды на нее. Въ современной литературѣ можно встрѣтить безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ военно-историческихъ сочиненій, составленныхъ по всевозможнымъ методамъ. Общихъ пріемовъ, даже общихъ взглядовъ на предметъ не существуетъ. Военная Исторія, я полагаю, никогда не достигнетъ такихъ выводовъ, какіе дѣлаются въ наукахъ точныхъ, но объемъ и границы историческихъ изслѣдованій могутъ быть выработаны и опредѣлены точно. Въ этомъ отношеніи Военная Исторія значительно отстала отъ исторіи общей, гдѣ научные пріемы, хотя и не установились еще окончательно, но разработываются и примѣняются. Въ общей исторіи каждое болѣе или менѣе выдающееся явленіе прошлой жизни имѣетъ цѣлую литературу, въ которой всегда най-

дется нѣсколько сочиненій, обработанныхъ строго научно, даже, и по требованію Конта, достойныхъ названія «исторіи». Въ Военной Исторіи нѣкоторые вопросы о научныхъ выводахъ еще и не возбуждались; многія войны не имѣютъ даже полнаго «безсвязнаго набора фактовъ» за всю кампанію.

Въ началѣ 1875 года поступятъ въ продажу и будутъ продаваться у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

НОВЫЕ ПЛАНЫ

для тактическихъ упражненій, военной игры и какъ топографическое пособіе вообще.

Изданіе **А. Энгельгардта и А. Скугаревскаго**, капитановъ генеральнаго штаба.

Планы составлены въ масштабѣ 100 саженъ въ дюймъ; въ нихъ вошли всевозможныя видоизмѣненія мѣстности, причемъ они могутъ еще извѣстнымъ образомъ перекладываться между собою. Планы будутъ вычерчены въ штрихахъ и въ горизонталяхъ; отпечатаны одною краскою и иллюминованы 8-ю цвѣтами. Сборные листы будутъ въ масштабахъ: 1 верста, 3 версты и 10 верстъ въ дюймъ.

Одновременно съ этимъ выйдетъ въ продажу:

ВОЕННАЯ ИГРА

руководство для тактическихъ упражненій со сборникомъ задачъ (2-е изданіе) **А. Скугаревскаго.**

О цѣнахъ плановъ и «Военной Игры» будетъ объявлено въ «Русскомъ Инвалидѣ» и другихъ газетахъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Колесова и Михина С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, № 22.

ПОЛНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ ВОЛЬНООПРЕДѢЛЯЮЩИХСЯ.

Составлена капитаномъ генеральнаго штаба **А. Фрезе**,

преподавателемъ военной администраціи.

Цѣна **75** коп., съ пересылкою **1** руб.

2007096102